

Юлия Пикалова

Сценарист

Кукушки в лесах

Кукушки в лесах,
Ангелы в небесах,
Каков запас хода в моих часах?

Леса ушли. Кругом города.
Ангелов, может, и не было никогда.
По стеклу ветровому бежит вода.

Скучающих фонарей игра
Превращает ее в струи жидкого серебра.
Это милость, что мы не знаем свое «пора».

Это милость, что вода бежит, что все течет,
Что земля не закрыта на переучет,
Что бесполезно осведомляться насчет

Срока для утки в зайце, иглы в яйце,
Пока навигатор не молвит, изменившись в лице:
Воспользуйтесь первым выездом на кольце.

О главном

Буфет невзрачный придорожный.
Чад пережаренных котлет.
У шоферов глаза острожных.
Раздатчица неясных лет
грустит под песенку о главном
на незнакомом языке:
«What can I do to make you love me?
What can I do to make you care?»

Caption

«Наконец я спокоен. Всё со мной...»

А. Грицман

он стоит на выходе из гетто ставшего условным и сквозным
мимо по делам венецианским протекают люди дети рыбы
шехвуют начитанные львы

он стоит вращая в мостовую вот уже по щиколотку в ней
в двух шагах поблескивает странно матовая в сумерки вода
но вода ему недостижима он стоит все глубже погружаясь
в камни этой древней мостовой свод из балок заменяет небо

он пришел лишь пять минут назад но пробыл и век и два и
восемь сколько этим балкам деревянным сотен лет? –
вот столько и ему

говорите вы его встречали говорите он живет в нью-йорке
думаете он здесь на конгрессе и летит обратно послезавтра
так и есть но только кто из нас знает кто мы есть на самом деле

он вернулся ходит на работу но смотрите как просели кам-
ни времени невидимая тяжесть явственно сгустилась в этом
месте люди львы орлы и куропатки все его невольно огибают

он вернулся ходит на работу
у него консилиум сегодня
он стоит на выходе из гетто
ставшего условным и сквозным

* * *

Услышат имя: – И о ком это? –
А это ведь и есть успех:
Многожеланное инкогнито,
Свобода проходить сквозь всех.

И как же, черт возьми, заманчиво –
Исчезнуть среди бела дня!
Я постригусь и стану мальчиком.
Не надо узнавать меня.

Сценарист

Горы вздымались, дыбились на горизонте ломаном.
Выводок лодок учебных старательно шел за лоцманом.
Немцы вывалились из кемпинга выгуливать татуировки,
Озера свежесть мешалась с их жареным мясом.
Пенсионер семенил на поводке своей полукровки,
Привычно спешившей слиться с прибрежным лесом.

Не чутье кочевника, не нужда, не Google,
А сандалии римские завели меня в этот угол.
Память врубила сирену, требуя вспомнить тему.
Вот спасибо, я уже в самом деле ставил такую сцену.
В ней было еще одно лицо. Я стал забывать.
Птичья мелочь с разгона влетела в тугой кипарисовый терем
И, если верить глазам, перестала существовать.

